

Латинской Америки. Диалог идет между живым и мертвым. Сложная, ох до чего же сложная задача — воспроизвести этот диалог, в котором автор и театр стремятся отразить реальные противоречия действительности, противоречия революционных процессов «пылающего континента» — Латинской Америки.

Название спектакля является как бы предупреждением зрителю: диалог не закончен, он продолжается не столько в политических дискуссиях, сколько в жестокой, непримиримой борьбе, которую ведут народы Латинской Америки с фашизмом, колониализмом, политикой «большой дубинки». Борьбу в условиях страшнейшего террора ведут чилийские патриоты, они идут на пытки, на смерть во имя завершения этого исторического «диалога».

Роман КАРМЕН,
лауреат Ленинской премии

ДА, ДИАЛОГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Сцена из спектакля: Че Гевара — А. Кацынский, Альенде — Ю. Яковлев.

Фото М. ЧЕРНОВА

И я полагаю, что в основном, в основном автор и театр нашли верное решение, обращаясь не только к разуму, но и к сердцу зрителя. Именно эмоциональная публицистика и заставляет зрителя чувствовать себя причастным к тому, о чем рассказывается со сцены. Трагедия Чили не перечеркнула вывода о том, что к революции, к победе социализма ведут разные пути, в том числе и мирный. Но трагедия Чили властно напомнила и глубокую мудрость ленинских слов о том, что революция лишь тогда чернотой стоит, когда умеет себя защитить.

Я был свидетелем того, как начиналась чилийская трагедия, как на деньги ЦРУ выкармливались фашистские заговорщики. Во время моей последней встречи с президентом за стенами дворца Ла Монеда уже было беспокойно, и я помню, как тень тревоги вдруг ложилась на лицо Альенде, вероятно, уже предчувствовавшего приближение решающих столкновений с силами реакции.

Драматург и театр, на мой взгляд, удачно используют родственные мне кинематографические приемы: они смело прерывают повествование о последних часах жизни Альенде, возвращаются в прошлое, ведут воображаемый спор Альенде и Гевары. Все это очень смело. Сценические приемы рождены самой темой спектакля, все это заставляет зрителя не только следить за ходом действия, но и размышлять.

Театр, ничего не упрощая, тщательно исследует сложную пору в истории Чили, исследует зачастую с прозаической скрупулезностью. Думается, нет оснований сетовать, что спектакль местами перегружен информацией о событиях, именами, цифрами. Ну что ж, это — политическая драма с невымышленными героями, это — политическая публицистика. И здесь хотелось бы сказать о том, что спектакль решен ритмически очень своеобразно. Режиссерское чутье Евгения Симонова безупречно — действие приближается к трагическому финалу немолдо, вызывая тревогу в сердце, и в то же время «перебивки» действия — прибегну опять-таки к кинематографической терминологии — логически оправданы, обоснованы. Мне

кажется, и пластическое решение спектакля (художник Борис Мессерер) во многом способствовало успеху постановки.

Об актерах хотелось бы сказать, особо подчеркнув их увлеченность, их глубокое стремление — не только профессиональное, но и гражданское — создать галерею образов людей — участников чилийской трагедии. Я уже упоминал исполнителя роли Альенде — Яковлева. Актер проделал огромную работу, просмотрев буквально все документально-хроникальные материалы съемок Альенде. Но дело, разумеется, не только в удивительном сходстве, — тонкий и вместе с тем рельефный рисунок образа героического «товарища президента» стал удачей талантливого актера.

Вообще в спектакле много актерских удач: запомнятся и Виктор Зозулин

СКОЛЬКО бы ни было в жизни моей — теперь уже долгой — радостей и горестей, праздников и печальных дат, один день не уйдет из памяти никогда. Никогда не уйдет из памяти тот осенний день 11 сентября 1973 года, когда над Подмосковьем разносился запах не в меру уродившихся яблок, никогда не забыть, как, мучимые страшным предчувствием, крутили мы с Генрихом Боровиком клеммы приемника, пока вдруг по-испански, по-английски не услышали ужасные, не укладывавшиеся в сознание вести — танки у дворца Ла Монеда... Сальвадор Альенде сражается... последнее обращение президента к народу... Альенде, кажется, убит... Да, Сальвадор Альенде погиб. На боевом посту.

Я вспомнил об этом дне трагедии и величия Чили, когда пришел в Московский театр имени Евгения Вахтангова на спектакль «Неоконченный диалог», поставленный Евгением Симоновым по драме Василия Чичкова. Это спектакль о рыцарях революции, о героях борьбы за свободу, о тех, кого Леонид Ильич Брежнев назвал «людьми безукоризненной честности и большого гуманизма».

Герои драмы — Эрнесто Че Гевара и Сальвадор Альенде; я был и с тем, и с другим связан взаимными чувствами дружбы и уважения; каждая встреча, беседа, съемка оставалась в памяти, в сердце, как что-то безгранично важное в моей биографии. Чуть застенчивый, немногословный, страдающий астойм Че в форме майора Повстанческой армии, — последняя с ним встреча на сахарной плантации близ Гаваны на испытании советского комбайна. Президент — элегантный, оживленный, сверкающий тонким юмором и вдруг задумчиво печальный — последняя встреча за три месяца до его гибели во дворце Ла Монеда, в его кабинете, — «зовите меня «товарищ президент»...». Оба они совсем, кажется, недавно дарили меня своей беседой, своей улыбкой...

Не скрою: мне, знавшему этих людей, снимавшему их, трудно было представить, как сумеют театр, режиссер, актеры воплотить их образы на сцене. Автор пьесы драматург Василий Чичков выбрал, вероятно, самый сложный и неизведанный путь — в его драме действуют реальные фигуры политической жизни, наши современники, облик которых известен миллионам людей, имена которых и сегодня на страницах газет. Думается, что ответственность драматурга и театра в этом случае особенно велика. Не менее сложную задачу поставил перед собой и режиссер — сохранить абсолютную достоверность происходящего на сцене и в то же время создать публицистический спектакль, насыщенный драматизмом идей.

Но еще более сложные задачи стояли перед актерами. Тут особенно необходимо было чувство такта, меры, вкуса, наконец. На мой взгляд, не так уж важно в конце концов, сужу ли Альенде, какова была походка Гевары, его жесты, — к счастью, документальная пленка зафиксировала образы этих людей. Гораздо важнее и дороже другое — глубокое проникновение актеров в суть характеров героев, постижение их личностей. Не обычных, сложных, противоречивых.

Анатолий Кацынский и Юрий Яковлев создают портреты двух совершенно разных, непохожих друг на друга людей, даже в чем-то контрастных. Подпольщик и парламентский оратор, партизан и президент... И спор их — спор о различных путях революции, о судьбах

исполняющий роль «левака», и Екатерина Райкина — дочь и соратница Альенде, и Владимир Коваль — помощник президента Гарсиа. Правду спектакля помогают ощутить и актеры, изображающие врагов революции, — это Владимир Осенев, Григорий Абрикосов, Евгений Федоров, Владимир Покровский. Своеобразный дуэт «ведущих» спектакля — журналистов Хилмана и Тодоровича — интересно исполнен артистами Юрием Вольнымцевым и Александром Граве.

Образ мужественной и любящей спутницы президента Тенчи, продолжающей дело своего мужа, создала Антонина Гунченко.

Но особое место в драме принадлежит герою Вячеслава Шалевича, он обозначен в списке действующих лиц как Дон Антонио, но я бы назвал его Коммунист. Таких, как он, я видел на медных рудниках, среди рабочих в те дни, когда Чили было свободным. Их, непокорившихся, несломленных, видел я и после того, как им удалось покинуть Чили, спастись от ищейек Пиночета. В этих людях видим мы надежду на то, что черная ночь, спустившаяся сегодня над Чили, сменится непременно рассветом.

Да, диалог не закончен. Не закончен он и в искусстве — в кино, в публицистике, в театре. Свидетельством этому — новая, вслед за вахтанговцами, премьера в Театре имени В. Маяковского талантливого, захватывающего спектакля «Интервью в Буэнос-Айресе» по пьесе известного международного писателя Генриха Боровика. Та же тема — трагедия Чили, но решенная совсем в ином плане.

РАДОСТНО сознавать, что в нашем советском искусстве находят свое отражение благороднейшие идеи революционной солидарности со всеми борцами против империализма, фашизма, реакции. Когда я смотрел спектакль «Неоконченный диалог», где-то за рамкой возникал для меня образ еще одного человека. Бесконечно дорогого всем нам человека, сына того же континента, вожака чилийских коммунистов, дорогого Лучо — Луиса Корвалана.

Я словно вновь слышал, как стучит, стучит, не останавливаясь, кровотокащее сердце друга.